

вированные и, следовательно, некодифицированные принципы, но практические схемы. Вместе с тем в практической логике в достаточной степени силен элемент неопределенности, недетерминированности в открытости, что делает невозможным полностью положиться на практические схемы и предрасположенности в критических и опасных ситуациях.

Современность превращает носителя культуры в мима. Мим живет мим-есисом (Деррида), подражанием, живым каскадом отражаемых событий (ролей, ситуаций, культур и т.п.). Отражать значит также и защищаться от удара, от дара традиций и культур, которые могут подавить своим содержанием. Для этого мим прибегает к травестированию и иронии. Мим не знает того, что делает, потому что срастается с тем, то делает.

По Ж.Делезу, взаимодействия происходят на уровне событий и вне принудительной каузальности. При этом имеет место скорее сцепление непричинных соответствий, образующих систему отголосков, повторений и резонансов, систему знаков. События – это не понятия, и приписываемая им противоречивость (присущая понятиям) есть результат их несовместимости. События первичны по отношению к предикатам. Схождение и расхождение серий событий – всецело изначальные отношения, покрывающие изобильную область алогичных совместимостей и несовместимостей. Две вещи или два определения могут утверждаться благодаря их различию. Здесь имеет место некая позитивная дистанция между различными элементами, которая связывает их вместе как раз в силу различия (как различия с врагом не отрицают меня, а утверждают, позволяя быть собранным и жизнеспособным перед ним). Тогда несовозможность – это средство коммуникации. В этом случае дизъюнкция не превращается в простую конъюнкцию. Возможны три различных этапа синтеза: коннективный синтез (если..., то), сопровождающий построение единичной серии событий, конъюнктивный синтез (и) – способ построения сходящихся серий событий, и дизъюнктивный синтез (или), распределяющий расходящиеся серии событий. Дизъюнкция действительно бывает синтезом тогда, когда расхождение и децентрирование, задаваемые дизъюнкцией, становятся объектами утверждения как такового. Вместо исключения некоторых предиктов вещи ради тождества ее понятия, каждая вещь раскрывается навстречу бесконечным предиктам, через которые она проходит, утрачивая свой центр – т.е. свою самотождественность, в качестве понятия или Я. На смену исключению предиктов, располагающему в классической логике, приходит взаимодействие событий.

Т.Х.Керимов
г. Екатеринбург

МЕТАФИЗИКА И СТАНОВЛЕНИЕ

Очевидно, что именно М.Хайдеггеру, М.Фуко и Ж.Даррида удалось обеспечить основные условия теоретического ухода для радикального пересмотра метафизики новоевропейской субъективности воли к власти техник формирования и исполнения желания. Но что значит преодоление метафизики? Значит ли оно простое выхождение за пределы

метафизики при условии, что, говоря о преодолении, мы соотносимся с метафизическим языком? С другой стороны, преодоление в строгом смысле предполагает преодоление границ, т.е. фиксированность границ того, что преодолевается? Следовательно, говоря о преодолении, мы уже должны знать, что такое метафизика.

"В свете раннего начала метафизика ушла одновременно в том смысле, что пришла к концу. Конец может длиться дольше, чем вся предыдущая история бытия"(1). Но бытие по М.Хайдеггеру, не имеет истории. Эпохе значит удерживать себя от проявления. Эпохальная история бытия может быть обоснована путем прослеживания дара, который заслоняет собой то, что в своем самоудержании позволяет сущему быть как таковому.

Однако метафизическое мышление не способно мыслить избыточность эпохальных изменений. Будучи неспособной помыслить собственный исход, тем не менее, она пытается объяснить различные разрывы в истории сущего. Однако, ценой утверждения тотальности или когерентности философии. Тотальность бытия является конститутивной структурой собственного существования метафизики. Метафизика учреждается с самого начала как гармоническая тотальность только потому, что постоянно проживает возможность собственного преодоления, возможность преодоления собственного пути, траектории движения. Иначе говоря, основность метафизики соответствует ее безосновности. Следовательно, конец метафизики, анти-метафизика присутствует в самой структуре метафизики как апоретический элемент.

Бытие – условие возможности метафизики, и в то же время метафизически апоретично, поскольку забвение конституирует это условие. Метафизика построена на забвении бытия в поисках сущего. Теперь если мы спросим, что именно предано забвению, имея в виду, конечно же, что есть Бытие, ответом будет некая подвешенность. Ибо то, что не есть какое-то сущее или даже сверхсущее, а ни-что. Следовательно, вопросы, что именно предано забвению, что есть Бытие – не корректные вопросы. Двойной конец метафизики раскрывает область, где вещи суть не благодаря их отношению с другими вещами, опосредованному "становлением", "понятием", "представлением" или же "Бытием" Вещи суть "благодаря их "одержимости", их отношению с ни-что. Это область есть область становления, где бытие вещи поставлено на границе с ничто. Становление есть безотносительная относительность вещей. В становлении метафизика "изменяет" самой себе, поскольку в нем запечатлевается бытие. Следовательно, преодоление не может означать выход за или в по ту сторону метафизики, а противопоставление ей процесса, становления, артикулирующего двойной конец метафизики. Становления, не опосредованного тождеством Бытия, Смысла или Истины.

Именно становлением пренебрегла до сих пор философия. Если согласиться с тем, что философия всегда развивала методы унификации, конструирования все более замкнутых систем, редуцирующих гетерогенность и процессуальность реальности, если согласиться с тем, что реальность являлась не реальностью бытия, а скорее результатом определенных философских практик, это пренебрежение станет еще более

очевидным.

В философии привычным является противопоставление становления бытию, присутствию. "Запечатлеть на становлении характер бытия..." /Ницше/. Что значит мыслить становление таким образом, чтобы оно запечатлеvalo характер бытия? Становление не означает схватывание или полагание несвязанных между собой вещей и явлений. Становление подрывает самоидентичность вещей, утверждает децентрированность сущего и производит различие. Вещи существуют друг при друге или друг с другом в становлении. Именно в таком несубстантивированном становлении вещи обретают собственность, свойственность, и между тем в становлении же они постоянно преодолевают собственные пределы, становясь в-себе-другим и Другим.

Самое яркое описание становления в исторической ретроспекции мы обнаруживаем у Гегеля. Однако становление остается в плену искусственного, логически абстрактного движения непосредственного и опосредованного, которое есть лишь движение мысли к всеобщности понятия. В логическом процессе имманентного саморазвития понятия становление опосредовано и положено понятием, поскольку, согласно Гегелю, все движение философии есть не что иное, как полагание того, что уже содержится в понятии. А становление, в отличие от бытия и ничто как пустых абстракций, суть первое представление, первое понятие и первая конкретная мысль.

Становление традиционно ассоциируется с хаосом, с неразличимой и неопределенной бездной, с неудержимым движением, не поддающимся никакой систематизации и упорядоченности. Причем хаос понимается здесь статично как полнейший беспорядок и смешение, неподдающиеся никакой систематизации.

Когда Хайдеггер со ссылкой на Ницше говорит – "запечатлеть на становлении характер бытия..." предположительно именно запечатленный характер призван упорядочить, "систематизировать" безосновное становление, при том, что становление, по определению, не может выйти за пределы самого себя к какой-либо цели. Характер бытия в становлении суть событие. Это та единственная в своем роде возможность, когда бытие из ни-что или пустой неопределенной всеобщности становится воплощенной материальностью. Она осуществляется в переходе от предельной неопределенности к предельной определенности. Этот переход действителен в событии, а оно никогда не бывает завершенным, конечным, определенным, следовательно, определяется все же неопределенностью.

Внутренняя связь между бытием и ничто, некий способ их соприсутствия необходимым образом задает /гетеро/логику события как собственности, совместности и соответствия. Событие, по сути, производится постоянным смещением границы между бытием и ничто, в-себе-другим и Другим. Это производство соразмерно бытию и ничто, и определяет их как имманентное, неотделимое от становления вещей. Бытие суть ни-что постоянное пространство этого дезистентного транзитного колебания, и таким образом, отнимает у вещи конечность бесконечно. Поэтому то она не эк-зистировует в определенности, бесконечность, а де-зистировует. Бытие суть ни-что означает освобождение бытия от

Бытия /как границы, горизонта, "трансцендентного означаемого"/, его ограничивающего, и выставление его границам, которые стирает этот трансцендентальный горизонт.

1. Хайдеггер М. Преодоление метафизики. // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С.214.

Е.Г.Трубина
г. Екатеринбург

ПОВЕСТВОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ "НЕКЛАССИЧЕСКОЙ" РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ИДЕИ Х.АРЕНДТ

Распространенная прежде уверенность в непреложности эволюции обществ и индивидов по направлению ко все более научным представлениям о себе основательно сменяется в наши дни пониманием сущности тех форм рациональности, которые укоренены в опыте, языке, в установлениях данной культуры.

В связи с этим неслучаен все более пристальный интерес, который вызывает к себе нарратив, повествование и в качестве самостоятельного объекта исследования, и в качестве формы организации социально-гуманитарных исследований. Констатируется, что существенными причинами кризиса универсалистски-рационалистических научных представлений и исследовательских стратегий стали исчерпанность позиции исследователя как незаинтересованного наблюдателя, а также недостаточность теории истины как корреспонденции, необходимость дополнения ее теорией истины как когеренции. В силу этого на передний план выходит фигура исследователя, исходящего из конкретного, специфического, исторического контекста и рефлексивно помещающего себя в него. А образ человека, рассказывающего истории по матрицам, задаваемым культурой, становится основой подхода, общего для юриспруденции и психоанализа, исторического познания и литературной критики, семиотики и философии.

В истории социально-гуманитарного знания и философии XX века то или иное отношение исследователей к жизненному миру, к феномену повседневности, к реалиям современной истории оказалось связанным с противостоянием объективистски-натуралистских и антинатуралистских парадигм. В этом отношении показательна позиция выдающегося философа политики Х.Арендт. Жизненный опыт еврейки – немецкого интеллектуала, вынужденной эмигрировать в США и ставшей там одним из самых уважаемых политических мыслителей своего времени, обусловил ее обостренное чувство, что существование Освенцима есть радикально новое и немыслимое событие в истории западной цивилизации. Арендт полагала, что при определенных исторических обстоятельствах, обозначенных ею как "темные времена", даже наиболее правдоподобные теории теряют свою роль в человеческом знании. Однако отсюда не следует невозможность понимания. Овладеть прошлым, постичь его уроки можно, если будет пересмотрена традиционная роль теорий. Арендт настаивала на том, что подлинно критическое осмысление жизни общества и личности, а также тех деформаций, которые они претерпевают в силу двух главных событий, никак не предвиденных социальной